

т. е. данныхъ, на которыя опираются различныя мѣропріятія экономическаго характера. Это общее явленіе жизни, разъ мы не располагаемъ спеціальной организаціей, ведущей дѣло статистики.

Мой разборъ «Охоты въ лѣсахъ Енисейской губерніи» растянулся, хотя далеко не исчерпалъ всѣхъ замѣчаній и погрѣшностей работы. Въ заключеніе позволю себѣ спросить: что же даетъ читателю статья г. Комарова, есть ли въ этихъ, хотя и не полныхъ, очеркахъ охотъ что-либо новое или болѣе обстоятельно изложенное по интересующему насъ вопросу, чѣмъ въ описаніяхъ Кривошапкина, Латкина, Черкасова или въ той же работѣ г. Силантьева? Къ сожалѣнію, такихъ новыхъ данныхъ въ работѣ г. Комарова нѣтъ и къ характеристикѣ промысловой охоты новый трудъ не прибавляетъ ничего. Въ официальномъ изданіи, посвященномъ мѣстнымъ вопросамъ, долженствующемъ служить справочникомъ и опытомъ научной разработки вопросовъ мѣстнаго хозяйства, мы въ правѣ были ожидать болѣе обстоятельной, содержательной и дѣловито обработанной статьи.

Красноярскъ. Сентябрь 1910 г.

А. Пугариковъ.

ПИСЬМО КЪ ДЯДЮШКЪ.

Не привыкъ я подваливать къ чужому гону, да видно ничего не подѣлаешь: свои молчатъ, а чужія—горячо подняли, кто въ пятую, кто впередъ, а кто и по зрячему. Гонять—ажно небу жарко, а по какому звѣрю—въ толкъ не возьмешь! Но однако гонъ увлекъ и меня, да и какъ не увлечься, когда такое дѣло завязалось! Охотники—какъ будто бывшіе наши, полтавскіе, а когда трактуютъ, издали—не узнаешь. И такъ мнѣ это поддало горячки, что только держись! Бросился я въ Полтаву, а у меня тамъ есть человѣка три-четыре знакомыхъ охотниковъ, хотя своихъ собакъ и не имѣющихъ, но дѣло это хорошо понимающихъ. Такъ вотъ я къ нимъ,—что, дескать, да какъ? Вѣдь я, говорю, прозѣвалъ цѣлый кладъ: подъ носомъ такія стаи были, а я ихъ упустилъ. А самъ вотъ ужъ третій годъ мечусь изъ стороны въ сторону, ищу, какъ поддержать въ потомствѣ мою стаю. Смотрятъ на меня, удивляются полтавскіе охотники, да плечами пожимаютъ: съ

чего, дескать, человекъ налетѣлъ! А я имъ тутъ журналъ «Нашу Охоту»: — на-те, читайте! Ну, дѣло и выяснилось; малость охладилъ меня мои полтавскіе сотоварищи, и поѣхалъ я домой, разсуждая хладнокровнѣе, о чемъ рѣчь идетъ, и ужъ потомъ только разобрался, что рѣчь идетъ о фоксъ-гаундахъ. Вотъ о нихъ-то и мнѣ захотѣлось поговорить. Но раньше, чѣмъ говорить прямо о фоксъ-гаундахъ, я затрону статью г. Крамаренко «Отвѣтъ г. Козлову» — «Наша Охота» за 1911 годъ.

Эту статью г. Крамаренко начинаетъ такъ: «Дѣйстви-тельно удивительныя бываютъ происшествія, и не только съ гончими, но и вообще въ животноводствѣ». А я добавлю: да, воистину удивительныя: люди изъ фоксъ-гаунда, специальной собаки, хотятъ сдѣлать собаку для нашей ходовой охоты — «подружейную гончую», и совершенно правъ г. Крамаренко, когда онъ говоритъ въ той же статьѣ: «Были и есть, говорятъ, кабардинскія лошади. Былъ я въ самой Кабардѣ. Лошади есть по мѣстности хорошія». Вотъ именно — «по мѣстности», это сказано вѣрно, если къ этому прибавить: и по той работѣ, которая отъ этой лошади требуется. Хотѣлъ бы я видѣть англійскаго скакуна, пробирающимся по узкому карнизу горной кавказской тропы съ ея спусками и подъемами. Для такой горной работы нужны специально устроенныя ноги, съ маленькимъ недостаткомъ колѣна, при которомъ лошадь на нашихъ дорогахъ спотыкается, а въ горахъ она служитъ идеально, и измѣненіе этого колѣна, хотя бы въ лучшую сторону, принесетъ ущербъ работѣ въ горахъ. Совершенно тотъ же эффектъ получается и съ фоксъ-гаундами. Но не будемъ съ мѣста голословны и постараемся нарисовать себѣ картину охоты съ фоксъ-гаундами, т. е. парфорсную охоту, и тогда ясно увидимъ, что требуется отъ фоксъ-гаунда.

Парфорсная охота можетъ производиться только на ровной мѣстности, т. е. на мѣстности, хотя и пересѣченной рвами, промоинами, ручьями и другими препятствіями, но отнюдь не глубокими балками, буераками и крутыми горами, такъ какъ съ самаго напуска собакъ за ними все время скачетъ человекъ 15—20 охотниковъ на специально парфорсныхъ лошадяхъ, и, конечно, если бы кто-либо изъ охотниковъ вздумалъ погнать лошадь на мало-мальски длинную гору, то лошадь выдохлась бы, а за вторымъ разомъ была бы въ

запалѣ. А отстать отъ собакъ нельзя, такъ какъ въ этой скачкѣ нужно показать и свою ѣзду, и лошадь, а главное — умѣніе перевидѣть звѣря.

Но вотъ звѣрь поднятъ, и вся охота ринулась за нимъ. *Часъ, много—полтора*, бѣшеной скачки и счастливый охотникъ, доскакавшій первымъ, принимаетъ звѣря. А вотъ рядомъ другая картинка: звѣрь отсѣдаетъ, собаки скололись и охотники не перевидѣли звѣря; одинъ-два скола, и охота стала. Выдохлись собаки, выдохлись лошади, люди. Не болѣе какъ *послѣ двухъ* такихъ скачекъ, будь онъ въ пустую или звѣрь пойманъ,—охота располагается на продолжительный отдыхъ. Собаки, сбитыя въ стаю, отдыхаютъ тутъ-же, и ихъ тутъ-же изрядно подкармливаютъ; а часа черезъ *три-четыре* отдыха—опять скачка за однимъ или двумя звѣрями, смотря по тому, сколько первый займетъ времени и насколько за нимъ выдохнется охота. Но уже обыкновенно за *вторымъ* звѣремъ охота прекращается совершенно.

Вотъ краткое описаніе парфорсной охоты, но мнѣ кажется, что изъ него ясно можно видѣть, къ чему сводится здѣсь работа гончей, если къ тому еще добавить, что въ одинъ напускъ выпускается отъ 30 до 40 гончихъ, и что послѣ такой охоты гончія не менѣе сутокъ отдыхаютъ. Отъ парфорсной гончей требуется, какъ и отъ парфорсной лошади, *скорость на короткѣ*, могучія ноги для преодоленія всевозможныхъ препятствій *прыжками*, такъ какъ чѣмъ больше этихъ препятствій, тѣмъ больше эффекта въ охотѣ. Конечно ужъ, при такихъ условіяхъ, на голосъ парфорсной собаки никто не обращаетъ вниманія, да онъ и не нуженъ при напускѣ 30—40 собакъ, а ужъ *заливаться*-то имъ и совсѣмъ нѣтъ возможности на прыжкахъ и бѣшеной скачкѣ. О вязкости же здѣсь и рѣчи быть не можетъ: *вязкость* здѣсь зло и вредъ, и вязкую собаку немедленно бракуютъ. Да оно и понятно. Вообразите себѣ картину: звѣрь отсѣлъ; вся охота выдохлась, а одна собаченка гонитъ да гонитъ, да еще съ заливомъ, и пока охота отдохаетъ, вязкая собаченка не разъ подниметъ отдыхающую стаю на ноги, и не одного звѣря спугнетъ съ лежки. Врядъ-ли, конечно, ее за это поблагодарятъ!

Вязкость парфорсной собаки (т. е. та вязкость, которая нужна намъ, ружейникамъ) можетъ быть сравнена въ парфорсной охотѣ для вящей ясности съ уносливой лошадью. Возь-

мемъ хотя-бы рысака на бѣговомъ кругу: рысакъ развилъ наибольшую скорость, пришелъ первымъ къ столбу. Заѣздъ конченъ, но уносливый рысакъ, котораго не въ состояніи сдержать наѣздникъ, валить да валить кругъ за кругомъ. Картинка!

Посмотримъ теперь, что же требуется отъ подружейной гончей, и можетъ-ли эти требованія удовлетворить парфорсная собака. Первое и главное—это чутье, но въ этомъ не откажетъ намъ во многихъ случаяхъ и фоксъ-гаундъ. Второе—*полазистость*, которой у фоксъ-гаунда вовсе *нѣтъ*, такъ какъ при стаѣ въ 30—40 штукъ ее не требуютъ, и излишняя возня и настойчивость только мѣшаютъ, потому что въ парфорсной охотѣ звѣря поднимаютъ общимъ напоромъ. Третье качество—вязкость—у фоксъ-гаундовъ *есть*, но на короткѣ, и онъ постольку способенъ къ *продолжительной вязкости*, насколько рысакъ способенъ къ передвиженію тяжести, тянуть-то онъ будетъ, но рыси много поубавить.

Наконецъ, четвертое—поискъ на кругахъ *при сколкѣ*, и этого четвертаго качества у фоксъ-гаундовъ совершенно *нѣтъ*. Оно у него вытравлено годами парфорсной охоты. Кромѣ этихъ главныхъ качествъ у подружейной гончей есть еще много болѣе или менѣе второстепенныхъ, на которыя фоксъ-гаундъ отвѣтитъ не менѣе *отрицательно*.

Спрашивается теперь: что же остается въ фоксъ-гаундѣ для оружейника? На это, я думаю, намъ отвѣтить г. г. Крамаренко, Баковецкій и К°, а также, я думаю, отвѣтить, откуда они взяли себѣ фоксъ-гаундовъ *паратыхъ*, голосистыхъ и *вязкихъ* въ томъ смыслѣ, въ которомъ эти качества должны понимать мы, *ружейники*? Если же компанія такіе фоксъ-гаунды свалились съ неба, то для чего же, спрашивается, компанія смѣшиваетъ ихъ съ нашими гончими? Отъ добра—добра не ищутъ; ну, и вели бы себѣ чистокровныхъ фоксъ-гаундовъ. Однако-же г. Крамаренко пишетъ, что онъ знаетъ, гдѣ достать собакъ старой своей породы и что онъ ихъ достанетъ и поведетъ отъ нихъ яко-бы идеальную помѣсь. Но я опять-таки спрашиваю: для чего стараться искать своихъ старыхъ собакъ, для чего эта помѣсь? Не для того-ли, чтобы въ конецъ исправить породу русской гончей?

Б. Маркевичъ.